

...Я понесу с собою
груз несметный
желаний, дел,
сомнений и грехов,
ожог сердечный,
многим незаметный,
навет врагов
и грустный свет стихов...

Перечитав книгу «Третий снег» Валерия Хатюшина, вышедшую в этом году к его 75-летию юбилею в издательстве «Российский писатель», я не без удивления обнаружила, что тема печали и грусти как сложное психологическое явление пронизывает каждое стихотворение, входящее в этот сборник.

Исследовать природу печали человека до конца, наверное, не удавалось никому. Она нужна, чтобы погружаться во внутренний мир, чтобы быть в поиске смысла существования, чтобы развиваться эмоционально. Ещё трагедии Древней Греции обучали людей принимать неизбежность несчастья и, что важно, справляться с ним как с естественным явлением. Эту тему повторяли трагедии Шекспира, рассказы Чехова, вальсы Шопена, полотна Поля Сезанна. Тоска, грусть, ностальгия давно стали стимулом для художественного творчества. Печаль в творчестве любого поэта, прозаика, как утверждает Антон Чехов, присутствует во всём: «даже в человеческом счастье есть что-то грустное». Искусство любит грусть, а человек тяготеет к печальному искусству, по мнению философов, чтобы очиститься через сострадание.

Диапазон простых человеческих эмоций поэта настолько широк, насколько он ощущает мир вокруг себя. Грустит тот поэт, которому жизнь не безразлична. Читая стихи Валерия Хатюшина, давно обратила внимание на присутствие жизненного безразличия: поэту есть дело до всего происходящего. Он тоскует, наблюдает, ждёт, замирает от удивления, блуждает в потёмках – одним словом, живёт! А для настоящего поэта – где жизнь, там поэзия!

«Не торопите жизнь, она сама мгновенно» – этими словами открывается сборник «Третий снег». Слова созвучны с поэтическими строками из трагедии Гёте «Фауст»: «Остановись, мгновенно, ты прекрасен!». Но если Фауст просит прервать его земное существование, когда достигнет наивысшего счастья и произнесёт заветные слова, то лирический герой поэта Хатюшина радуется каждому дню и, «встречая новый день», без сожаленья отпускает прожитый.

А грусть, как спутница радости, непременно рядом, потому что у поэта и его героя всегда отношения со временем сложные, ему его не хватает, чтобы сказать ещё что-то важное, поэтому поэт надеется на неравнодушного читателя, внимательного к его слову. Тонко-музыкальные переходы из настоящего в будущее, и дальше – в вечность – это не просто жизнь, это вечная жизнь: и для того, кто ушёл, и для того, кто остался:

Уйёя, я не уйдёу,
мой друг неравнодушный.
Прочти мои стихи –
услышишь голос мой.

А дальше пронзительно грустно звучат слова уже не просто лирического героя, а самого поэта, родившегося в ноябре:

Меня не станет здесь –
всё будет, как и было:
цветы весной – цвести,
и птицы – щебетать,
и ветер в ноябре
опять споёт уныло...
Но всё же чего-то здесь
вам будет не хватать.
Чего не передать
обычными словами,
что брезжит, словно луч,
над сумраком скользя,
что грезится во тьме
бессонными ночами,
чего не изъяснить,
но что забыть нельзя...

Алина КОСТЮК-СВЕТЛИЦКАЯ

Грустный свет стихов

О поэзии Валерия Хатюшина

Композиционная рамка стихотворения указывает на завершённость действия, а многообразие в конце стихотворения – на открытость мысли читателя, умеющего додумывать исход произошедшего. Триптих «Не торопите жизнь» – о времени и о себе, о поэте, который утверждает: «И пел я не как все, и путь мой был – иной...».

Печаль, грусть становятся тем объединяющим символом одинокого ли-

Одинокое облако в небе ночном,
одинокая рядом звезда...
Не жалеть ни о чём,
не грустить ни о ком
я, увя, не умел никогда.
И жалел, и грустил,
и любил, и желал...
Не хватало и слёз, и вина...
Столько сердца истратил
и слов расплескал,
что теперь на душе – тишина.

Тема одиночества была близка Пушкину, она – одна из ключевых в поэзии Лермонтова, трагическое одиночество нашло отражение в поэзии Есенина. Многие русские поэты рас-

крывали трагедию одинокой души, каждый по-своему выражал мысль, что одиночество – это не отрешённость от жизни, не уход из неё, а вызов окружающей действительности. Так и в стихах поэта-философа Валерия Хатюшина одиночество – это заявление о себе как о творческой личности, живом, мыслящем, страдающем человеке среди бездушности, пустоты и фальши.

рического героя с окружающим миром, в результате чего он перестаёт быть одиноким. Одиночество поэта-лирика и поэта-философа – это уже единственно возможное душевное состояние истинного поэта. Говоря по-лермонтовски о своём предназначении, Валерий Хатюшин подчеркивает состояние одиночества, которое является палитрой для отражения яркости и глубины особенностей человеческого бытия:

В лирическом монологе, начинающемся со слов «Чего хотеть всезнающей душе?», нет взрыва эмоций, есть трезвая оценка своего нынешнего восприятия жизни. Да, человек не может жить без желаний, но как быть, «когда слова все сказаны уже», «когда не надо ни любви, ни света», «когда никто не нужен, кроме Бога»? Поэт, кажется, признаёт только вечную любовь, которая навсегда связала бы его

с близким человеком. Но если таковой нет, а «любовь людская смертна для поэта», то ответы на поставленные вопросы звучат лаконично:

Не жди любви.
Лишь Он – твой главный суд.
И лишь к Нему
в веках твоя дорога.

...Читая стихотворение за стихотворением, вникая в межстрочную мысль, прихожу к выводу, что творчество Валерия Хатюшина исключительно монолитно. Помимо единой связи по духу, тону, направленности стихи объединяет глубина и выстраданная мудрость, жизненный опыт. Мысль в стихах не превращается

в цепочку умозаключений, она возникает как открытие, как отражение найденной истины. Вот в этом, на мой взгляд, источник поэтической органичности, убедительности и силы поэтических строк.

Поэзия Валерия Хатюшина – замечательное явление гражданской и человеческой совести поэта, его интеллекта, его души и сердца. Она свидетельствует о его чуткости к происходящему, о правдивости, непрестанной тревоге за всё, что его окружает. Полная искренность поэта, его исповедальность волнует читателя душевностью, и от этого сердце читателя откликается печально, отзывается ноющей болью.

Исповедь души поэта ярко прорывается в стихотворении «Голос мне слышался птицы ночной», написанном 10 мая 2017 года. Одно из лучших, на мой взгляд, стихотворений по силе образности, метафоричности. Здесь глубокая, но успокоенная печаль и одновременно разочарованность в грешно-земном существовании.

Голос мне слышался
птицы ночной.
Ангел мой плакать
устал надо мной.
Жил я в азарте бездумных утех.
Ангел отмигал каждый мой грех.
Счастья искал я, невзгоды кляня.
Ангел прощения просил за меня.
Сердце ревалось и скупилось в крови.
Ангел шептал мне во сне о любви.
Часто встречал я
то рык, то оскал.
Ангел в позибельных
дебрях – спасал.
Птица ночная всё чаще кричит.
Ангел мой горько и слёзно молчит.
...Каждое стихотворение – это тайна поэта, ключ от которой спрятан от всех в его душе, сколько бы читатель ни пытался её, эту тайну, открыть. Понять душу поэта до конца никому не дано, поэтому, всматриваясь со стороны, читатель, любящий поэзию, ходит окольными тропами, проживая свою боль и свои страдания, плачет своими слезами, прозревая собственным разумом над любимыми строчками поэта.
Июльский вечер
в парке потемневшем.
Последний вздох тепла и тишины.
Я здесь хочу
забыть о наболевшем –
под синим сводом вечной вышины.

Внимательный читатель чувствует сложную, печальную душу поэта, близкую душу, так как она способна облагородить того, кто её понимает. Грусть в стихах поэта-лирика и поэта-философа оттого, что несут они в себе не только душевную боль конкретного человека, но и грехи этого мира. Сложная поэтическая битва добра и зла, света и тьмы. Недаром Валерий Брюсов в стихотворении «Поэту» завещал каждому творцу: «Как Данте, подземное пламя должно тебе щёки обжечь».

Элегическое настроение часто усиливается мотивами воспоминаний. Память возвращает лирического героя в прошлое, где «дом возле речки», «свет из распахнутых ставней», «детство... в колосатой ржи», «последний аромат сирени возле дома»... На контрасте прошлого и настоящего поэт обострённо осознаёт невозвратность ушедшего и дорогого сердцу. Мотив прощания закрепляет понимание безвозвратности и утраты.

...Как прощальная чья-то ладонь
прикоснётся к запястью незримо,
словно жизни закатный огонь
истончается необратимо...

Тоска, печаль, ностальгия, грусть становятся главными эмоциональными выразителями элегического состояния лирического героя. Это не притворная грусть – она выстрадана временем. Часто настроение героя меняется – тогда он в ладу с собой, а всё, что уже случилось, было, вероятно, с кем-то...

...Это кто-то другой, а не я
канул в прошлое бесповоротно,
в безответных кругах бытия
он мелькнул

предо мной мимолётно.
Последние строчки
резюмируют размышления:

Я не тот, кто ушёл, я другой.
И с собою не вижу разлаба.
В снежном парке висит надо мной
после вьюги покой снегаподы.

Развивая элегические мотивы, поэт-философ Валерий Хатюшин обращается к образу снега как символу движения и быстротечности жизни. Стихотворение «Третий снег», состоящее из двадцати четырёх строк, написанное анапестом, передаёт три этапа жизни человека, сосредоточивая на единой пространственной схеме – прошлое и настоящее. Снег выступает в роли посредника между землёй и небом, символизирующим чистоту, он обозначает и чистоту мыслей, невинность, и новые начинания, и неизбежную смерть.

Снег отстраняет человека от суеты и вводит в пространство небесного движения. От рождения до смерти человек «во власти» снега, у которого своя жизненная программа. Все этапы необходимо пройти шаг за шагом, вернуться в прошлое не получится: «первый снег не догонит никого на земле». Понятно, что автор создаёт в стихотворении образ снега, посредством которого рисует такие абстрактные понятия, как время, жизнь и уход из неё.

Многосмысловый образ снега в лирике говорит о том, что это не только явление природы, служащее своеобразным фоном, а действующее лицо, которое в стихотворении Валерия Хатюшина «то пуржит, то парит», то:

...Безобманно
сыщёт нас всё равно,
беспричинно, неожиданно
послушится в окно.
К нам напросится в гости...

Метафоричность стихотворения выражается не цветовой гаммой снега – её здесь нет, а цифровой: первый, второй, третий. Иносказательный смысл изображаемого в первой строфе явления структурируется и противопоставляется «третьему снегу» – последнему этапу жизни. Однако в этом стихотворении идея трагической неразрешимости воплощается не в лирическом переживании, а в философском контексте:

...У крест на погосте
ляжет он навсегда.

Символически образные ряды снега присутствуют и в поэме «Мой век» (2022 г.) как выявление самых устойчивых закономерностей, по которым строится обычная жизнь. Пятнадцать раз рефреном звучат слова «падает, кружится медленный снег» и передаётся ощущение этого неслышного падения. А в стихотворении «Ночь небесным тёмно-серым сводом...» поэт снова обращается к символике первого и «равнодушного, сонного третьего снега», осмысливая итоги уходящей жизни.

Схема лирического отражения жизни в поэзии Валерия Хатюшина представляется мне как формула постоянного обновления: ноябрь каждого года – это пересмысление прожитого и программирование жизни до очередного ноября, потому что «в сердце есть одна безумная надежда»:

Уходит этот день.
Мне очень жаль его.
Ещё один итог
поводит он устало.
Безвучно за окном.
Нет рядом никого.
И только горизонт
еще пылает ало...

...Запомнится он мне
печальной высотой
под холодом небес
земного дня рождения,
который так совпал
с высокой немотой
последнего в мой день,
не спорьте, – воскресенья...

Поэт Валерий Хатюшин не может просто жить, или просто грустить, ему нужно понять, осознать, объяснить себе и читателю, почему он живет, любит, страдает именно так, а не иначе. В понимании поэта, жизнь – это внутренняя борьба с собой, с печалью, с совестью. И всё же в стихах последних лет ощущается изменение поэтической тональности: поэт кажется более нежным и чувственно-просветлённым в пейзажной и интимной лирике, и грусть уже воспринимается по-другому.

Лето, лето... Как быстро...

Как странно...
Вот уж август стучится в окно...
Излилось, отшумело неожиданно
дней моих золотое вино.

Лето, лето – короткое счастье,
ненаглядность внезапной любви,
глаз горенье и сердца ненастье,
и хмельная весёлость в крови...

Поэт Валерий Хатюшин любит и страдает, грустит и радуется, обогащая нашу духовную жизнь собственным опытом, верит в нашу победу, потому что всё его творчество – это утверждение правды, справедливости, добра и любви. А то, что в его стихах много грусти, говорит о его большом, оглопленном, остро чувствующем и глубоко видящем сердце.

г. Гродно (Беларусь)

«Бабушка, я внял всему, что ты завещала. Сберегу, не предам и не отдам на поругу ни рачитного кустика земли родной. Передам завещанное правнукам, яко же приях. Онодо не могу: не тужить по тебе и по детству».

Книга Михаила Тарковского «42-й до востребования» уводит читателя от прежде знакомой прозы автора, где многие детали, представляя собой замечательный сплав острого художественного зренья и выверенной повествовательной интонации, изображены ярко и весомо. Совсем по-иному организована авторская речь в нынешних воспоминаниях: детство здесь оказывается особым миром, а слово писателя обретает поразительную многоцветность, ни для чего иного не подходящую, как только для рассказа об этом почти не реальном Царстве детской памяти, в котором жестокие страдания оказываются отодвинуты на второй план почти ликующим чувством постижения юной душой окружающего пространства и людей («...в этом прорыве жизненного в сказочное был особый разряд правды»). Удивительным кажется способность рассказчика сохранить в сознании и достоверно передать малейшие приметы давно ушедших дней. Причём сделать это настолько индивидуально и отчётливо, что образы родных и просто знакомых становятся зримыми, обретая на бумаге черты характера и неповторимую человеческую повадку.

Главной фигурой этого развёрнутого мемуарного произведения становится бабушка автора – Мария Ивановна Вишнякова. Её облик проницает практически все страницы и локальные сюжеты книги. Исподволь и бессознательно она хранит в себе множество драгоценных черт как русского человека в целом, так и русской женщины, прошедшей через море тягот и лишений, однако сохранившей в душе чистоту и любовь, терпение и самоотверженность, заботу и непостижимую теплоту, которая позволяет нам сказать сегодня: бабушка Маруся – вот настоящий, не уничтожимый движением дней, а растворённый в его течении Дом маленького героя: «У Маруси характер.<...> Мягкость в любви к людям, а железно в защите этой любви». У неё были свои привычки и особенности речи, она чутко воспринимала смыслы, ей нравилась игра слов. Но записи её дневника хранят фразы короткие, сдержанные, говорящие о самых главных событиях и о самых важных чувствах.

Скудные довоенные годы, лихолетье войны, мирное время – здесь рядом с бабушкой её сын, который автор впоследствии называет Дядя Андрей (всё – с прописной буквы), и ушедший из семьи муж Арсений – Асик. Будто невзначай читатель понимает, что перед ним – режиссёр Андрей Тарковский и его отец – поэт Арсений Тарковский. Немало места уделено их психологическим портретам, творческим пристрастиям, житейским привычкам, однако центральной фигурой и главным действующим лицом всё равно оказывается бабушка – и маленький внук, который спустя годы оживит её на страницах своей книги. И в сознание закра-

Вячеслав
ЛЮТЫЙ

Праведница

О книге Михаила Тарковского
«42-й до востребования»

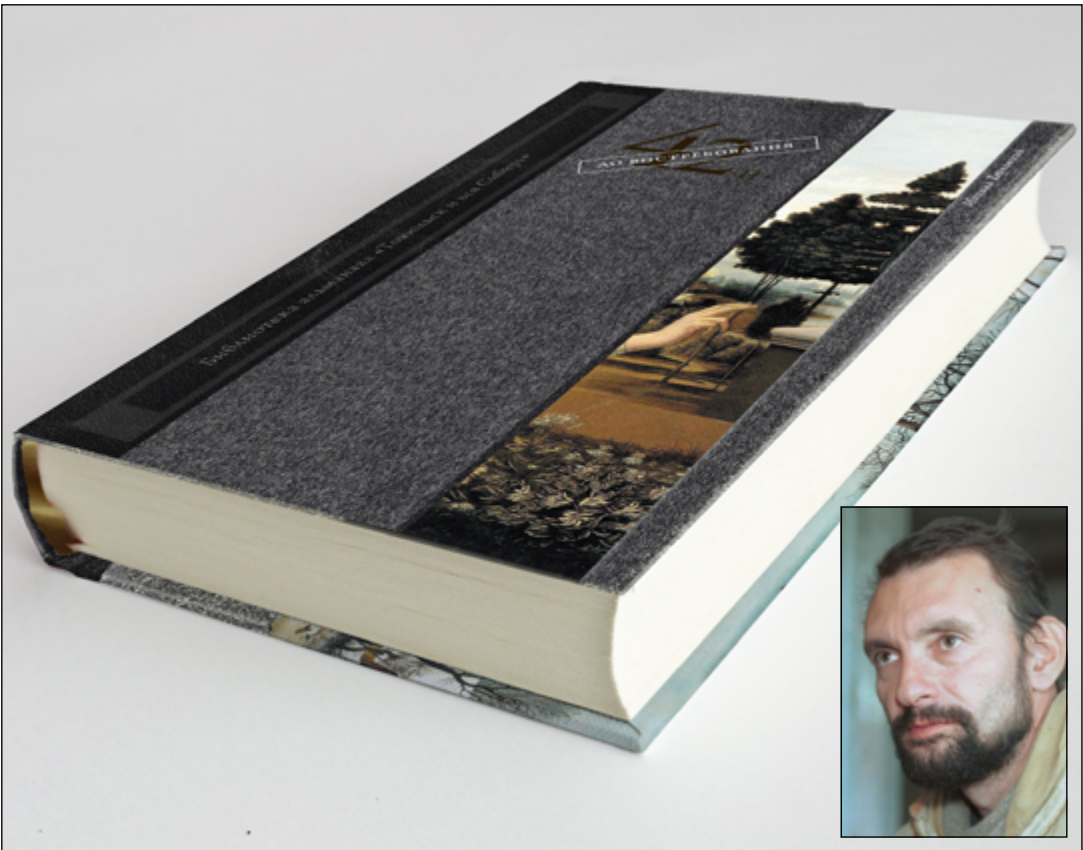
дывается крамольная и, наверное, слишком прямая мысль: соизмерение «подвига жизни» бабушки Маруси с творческим трудом отца и сына Тарковских, как ни странно, всё же – в пользу бабушки... Именно в ней воплотились уникальные качества русского человека – служение, воля и мука, что так потрясает в кадрах военной хроники из фильма Андрея Тарковского «Зеркало», когда измученные солдаты тянут тяжёлые артиллерийские орудия по поясу в холодной воде.

«Простые люди»... Какие они? Несложные? Не умеющие за собой наблюдать? Когда я слышу это словосочетание, вижу простой карандаш, дающий аскетичный и выразительный рисунок, рядом с которым цветное обилие кажется избыточным. Вот и бабушка была как простой карандаш, хоть и происходила из высшего сословия. Графит у этого карандаша был очинен нежно и трепетно и мог сломаться при грубом нажатии. Бывало, и ломался, и крошился, но, когда крошку сдувало – оставались картины».

Сам язык, которым автор живописует события и героев, постоянных и мимолётных, течение дней и подробности историй, происходящих со своими и чужими, природу, воплощённую в лесном массиве, огромную и непреодолимую реку Волгу, – этот язык не перегружен плотностью изобразительных штрихов, в нём всегда есть пространство для дыхания читателя и рассказчика. Его вольность и обширность оказываются наибольшим удовольствием при чтении, превосходящим удовлетворение от познания многих биографических деталей, ранее мало кому известных. Детская «волшебность» восприятия реальности переплетается с конкретикой, придавая ей дополнительные свойства и смыслы, как бы расширяя окружающий мир. Жанр воспоминаний здесь обретает теплоту и свободу в выборе тем и ситуаций. Обаяние этого повествования – в его погружённости в «незримую тягу прошлого», что отодвигает текст от литературного дневника и приближает его к художественному прозе.

«В эту минуту деревенно-раскатно доносился гром в огромный ларь за полем, и бабушка, придя в своё восхищённо-эпическое состояние и дрогнув голосом, сказала, что это Илья-Пророк на телеге прогромыхал по каменному-крепкому облакам. И ещё что-то такое старинное и уходящее в громоувы даль веков, что и меня самого потянуло туда могуче и ясно, и я дрызглыми ремешками сандалек ощутил эту пространную глупь, и показалося – чем крепче вращу стопами в отчуждённую древность, тем легче мне будет выплыть, свеситься в окошко нового дня. И не выплыть».

Картинки социального свойства и бытовые отображения эпохи не поглощают в себе фигуры бабушки и её внука. У них – какая-то особенная история, протяжённая семейная легенда. Поступки и вещи, ценные для них, кажутся всем иным незначительными и наричаемыми. И мальчик постепенно понимает, что «мы с бабушкой совсем из другого мира». Хотя по видимости он не отличается от остальных сорванцов и понимает важное для мальчишки значение «вида бывалого, у которого главное выражение: набедокурил и еле вырвался».

Но в детской душе постепенно складывается твёрдая система ценностей и смыслов, переходящая от старого к новому, сохраняя золотую сердцевину православного и русского самонапоминания.

Много внимания автор уделяет детству Дяди Андрея – оно присутствует в книге своего рода параллельно к детской летописи дней самого маленького Миши. Наглядно взаимное отличие этих страниц – и смысловое, и стилистическое. Тяжкие дни войны, лишения и беды, скудость еды и тепла – Андрей Тарковский как

никто показал в «Зеркале» впечатления ребёнка военной поры. Примечательно, что в «42-м до востребования» рассказчик создаёт свой текст словно на фоне кадров этого поразительного по искренности фильма. Было бы неправильно представлять тяжкие времена совсем без света и человеческой надежды на лучшее. Поход бабушки, Андрея и его сестрёнки за ягодами в лес – из этого эмоционального ряда. Здесь – ясность детского сознания, ничем не разрушаемая радость бытия, простота обихода... Однако сдержанность авторского языка, кажется, приглушает краски реальности – тут не найти безграничной свободы и выразительности повествования, что так чарует читателя в первой части книги («...сами события словно выросли, обретая биографическую трезвинку»).

Именно так, с чувством внутренней сдержанности Михаил Тарковский пишет о Дяде Андрее – художнике бесстрашном и трагичном.

«Дядяка говорил, что, когда хочет сказать близким хорошее, на него как столбик нападают. Мне это знакомо с ранних лет, и связано оно с боязнью, что мама расплещется, растрогается, и я этого не выдержу. Так и не смел, боялся тронуть сокровенное, от чего дрогнет голос матушки и подбородок возьмётся мелкой ямкой – точно-точно как на персиковой косточке. <...> А дядяка, выходит, толково в жизни боялся ямок на подбородке. А в картинах – нет. И брал выше себя, и мать тащил туда, где образ сильнее времени и где сам только и был человеком».

